Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Этой ночью только я и ты

Телефон резким звуком разрывает ночную тишину. Я знал, что это ты. Никто другой не может позвонить вот так, среди ночи, когда все спят и видят сладкие сны. Некоторые не испытывают в этом необходимости, другие идут на поводу у приличий, третьи просто не хотят тревожить сон тех, кто им близок. Ты — ни то, ни другое, ни третье. Тебе действительно это нужно, ты знаешь, что между нами с тобой приличия — это нелепая и никогда не соблюдаемая условность. И ты знаешь, что я не обижусь на тебя, даже если ты прервала мой сон.

Я знаю, что сейчас будет. Я сниму трубку. Твой голос, как всегда в таких случаях, немного виноватый, скажет:

Здравствуй. Это я.

Ты никогда не представляешься. Но это и не нужно: я ни с кем не смогу тебя перепутать, даже если у тебя почему-либо изменится голос. Только у тебя я слышу эту непередаваемую интонацию: смесь резкости, подавленности и вины, и еще того, что ты — моя подруга.

— Привет, — скажу я тебе.

Ты немного подождешь, прежде чем произнести фразу, которую тебе так неудобно говорить, но которую я так жду:

— Мне очень нужно тебя видеть. Прямо сейчас.

Тебе мучительно больно знать, что из-за тебя я снова буду не спать всю ночь, но тебе так это нужно. На самом деле это нужно и мне, хотя в это трудно поверить. Но я не могу жить без этих ночей: откровенных, бесстыдных, жадно поглощающих нас целиком.

Трудно поверить в то, что ничего физического между нами нет и никогда не было. Наше общение — чисто духовное. Но если бы только кто-нибудь мог знать, насколько интимно то, что происходит между нами. Никто и никогда не был мне так близок, как ты: даже тот, с кем я делю. С ней я лишь чуть-чуть приоткрываю краешек своей души: без этого наша любовь превратилась бы в животную случку. С другими, до неё, не было и этого. У меня никогда не возникало желания обнажать свою душу на людях полностью. Наверное, это обусловлено нашей моралью. Но те же самые люди, которые каких-то пару часов назад выделывали вещи, которых не увидишь в самом жестоком порно, которые спокойно посещают нудистские пляжи и фотографируются в обнаженном виде, — эти же самые люди гневно возмутятся при одной мысли о том, чтобы обнажить перед кем-то свою душу. «Это же неприлично!» — подумают они. Возможно, они правы. С точки зрения нашей морали это действительно неприлично, и человек, который в силу каких-то причин должен сообщить другим о себе что-то очень личное, чувствует себя как начинающий эксгибиционист. Я знаю это. Но точно так же, как мое тело требует слияния с другим телом, моя душа хочет слиться с другой душой, и это желание не менее сильное. Я пробовал открыть душу. Я не мог вынести такого отношения к себе, и поэтому я всегда уходил от них. Тот, кого я люблю (я действительно её люблю!), никогда не возмущается, она знает, что мне действительно это нужно, и она всегда готова выслушать меня. Но она никогда не открывалась передо мной сама. Почему мне это не нравилось? Представь себе ощущение мужчины, красивого мужчины, который раздевается перед женщиной. Проходит час, но она все так же спокойно сидит. Соблазнить её невозможно, одеваться — как-то глупо... Представив эту ситуацию, ты поймешь, почему мне

не хватало того, что даешь мне ты.

Она не могла дать мне этого. А мне было это нужно, очень нужно. И ты — единственный человек, с кем я могу делать это. Та, кого я люблю. Может быть, она не верит, что мы только разговариваем с тобой, и ничего больше. А может быть, она понимает, насколько ты мне близка. Я не знаю. Но ты нужна мне.

Точно так же я нужен тебе. Со мной ты можешь позволить себе небывалую роскошь быть сама собой, сбросить ту маску уверенной в себе женщины, которую видит общество, и быть — просто быть собой. Не бояться показать, что ты чего-то не знаешь, не умеешь, чего-то боишься. Признаться в своих наклонностях, которые кому-то покажутся странными, и в фактах своей биографии, которые ты тщательно ото всех скрывала. Сказать о себе все, все до последней мелочи — и не бояться, что я буду думать о тебе хуже. Ты можешь позволить себе это со мной, и я могу позволить себе это с тобой. Поэтому ты и приходишь ко мне по ночам, когда наболевшее особенно будоражит, не дает уснуть. Иногда, когда это нужно мне, я сам звоню тебе, и ты приходишь и выслушиваешь меня.

Я молча слушаю тебя: пока тебе надо только выговориться. «Только» — это для окружающих. Я же воспринимаю это по-другому, как, впрочем, и ты. Ты берешь меня, берешь мою душу, жадно и нетерпеливо, ты изливаешь в меня все, что было в твоей душе. Внешне это выглядит совершенно пристойно, особенно если отключить звук. Но мы с тобой знаем, что при этом происходит.

Когда-то мы на этом и останавливались: на обнажении и прикосновениях. Потом, конечно, нам стало этого не хватать. Мы захотели большего: полного слияния, взаимопроникновения наших «я», когда уже не ясно, где я, а где ты. Полного взаимопонимания, когда фразу, сказанную одним, всегда может продолжить другой, когда мы думаем и чувствуем одно и то же. И теперь это происходит каждый раз, когда ты приходишь ко мне. Не сразу, конечно. Как невозможно прожить всю жизнь, ни на секунду не расцепляя тесно сплетающиеся тела, так невозможно все время иметь одно «я» на двоих. Но ты приходишь ко мне, и мы обнажаем свои души, и сливаем их в единое целое. Жаль, что другие люди не понимают, как это прекрасно.

А иногда нам хочется чего-то новенького. Обычно это происходит спонтанно. Иногда кто-то из нас заговаривает о том, о чем мы еще никогда не говорили, и даже не представляли, что эти темы вообще можно обсуждать. Но мы полностью доверяем друг другу, нам чужды какие-либо условности, и поэтому каждый из нас с радостью принимает то, что предложит другой. Мы пробовали неожиданными оборотами речи загонять друг друга в тупик, ловить друг друга на слове, связывать напоминаниями об обещанном, причинять боль резкой критикой. Мы пробовали ставить друг друга в неудобное и непривычное положение. Мы пробовали и другое: легкие прикосновения губ к самым уязвимым частям души. При этом что-то вздрагивает в глубине «я», и чувствуешь, как по тебе словно пробегает ток.

Каждый раз это бывает по-разному. Но каждый раз в конце концов происходит то, чего я так жду: искры в моем и твоем — нашем общем «я» — мелькают все чаще, каждое движение души доставляет невыносимое наслаждение, и вдруг что-то взрывается, принося с собой долгожданное облегчение и счастливое небытие.